

Читая Евангелия

Что такое Евангелие?

«Евангелие» означает «добрая, или благая весть». Евангелие — это радостная весть об Иисусе, о том, что Он был услышан и в Него поверили, проповеди о Нем.

Почему же мы говорим о первых четырех книгах Нового Завета как о «Евангелиях»? До этого не было известно ни одной книги под таким названием. В начале II в., однако, христиане могли говорить о «Евангелии» как о книге и отличали одно такое «Евангелие» от другого. В конце II в. Ириней говорил о существовании четырех «Евангелий» как о само собой разумеющемся, как о том, что существуют четыре стороны света и четыре ветра.

Вероятно, этот термин, сам того не подозревая, ввел Марк. Он начал свой рассказ об Иисусе словами: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия». Несомненно, что под «Евангелием» он подразумевал не жанр, но тему своей книги. По мере того как писались другие такие книги, это наименование прочно вошло в обиход, и последующие три книги стали известны под названием «Евангелие согласно...»

Повествование Марка об Иисусе, вероятно, самое раннее из дошедших до нас Евангелий. Но, скорее всего, оно не было написано первым, поскольку в Лк. 1:1 говорится, что «многие» предпринимали попытки сделать то, к чему ныне и он сам приступил (хотя Лука и не пользуется термином «Евангелие» для собственной работы). Изначально последователи Иисуса делились своими воспоминаниями о Его жизни и учении в устной форме, будь то беседа или формальное обучение. Эти воспоминания сохранялись и передавались в течение длительного времени вплоть до начала составления письменных свидетельств. Они, по всей вероятности, были более короткими и менее информативными, чем известные нам Евангелия, и постепенно с появлением более пространных свидетельств выходили из употребления. А в итоге не сохранились.

Когда в Новом Завете оформился этот особый жанр, стали писаться и другие «Евангелия». Но поскольку эти более поздние евангелия не вошли в канон Писания, многие из них не сохранились. Некоторые известны нам только по названиям, поскольку раннехристианские писатели упоминают и цитируют их. Другие появились на свет совсем недавно, когда в египетской пустыне были обнаружены древние копии. Одно из ранних — Евангелие Фомы — представляет собой собрание из 114 изречений Иисуса, включающих и простые высказывания, и пространные притчи. Со II в. известно Евангелие Петра, в котором более подробно, чем в канонических Евангелиях, рассказывается о смерти и воскресении Иисуса. К тому же периоду относят «прото Евангелие» Иакова, которое ярко рассказывает о рождении и жизни Марии и обстоятельствах рождения Иисуса. Другие произведения, которые названы «Евангелиями» (напр.: Евангелие Филиппа и Евангелие Истины), по сути дела не являются жизнеописаниями Иисуса, но религиозными или философскими трактатами, совсем не похожими на канонические Евангелия.

Большинство «Евангелий» II в., несомненно, исходят из кругов, где царило гностическое мышление, пришедшее на смену богословия новозаветных писателей. Они предназначались для распространения идей гностицизма. Хотя эти «Евангелия» были широко распространены в среде гностиков, они стояли в стороне от магистрального течения христианской литературы II в. и никогда не рассматривались наравне с Евангелиями Матфея, Марка, Луки и Иоанна. До середины века у исследователей практически не было сомнений, что эти четыре Евангелия — и только они — сохранили истинное апостольское свидетельство об Иисусе. Хотя время от времени обсуждались и другие книги, эти четыре Евангелия настолько прочно утвердились как основания христианской веры и учения, что во второй половине II в. Татиан почувствовал потребность составить свой знаменитый *Diatessaron*, который был попыткой согласовать Евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна. В его представлении, как и в представлении большинства христиан, к этому времени жанр «Евангелий» уже окончательно оформился и закрепился только за этими четырьмя авторами.

Жанр книги

Считается, что Евангелия не являются биографиями. Конечно, в современном понимании этого термина они таковыми не являются. В Евангелиях мало сведений о семье Иисуса, о Его воспитании и обучении; в них не делается попытки рассмотреть Его жизнь в контексте современной истории, не рассказывается о Его психологическом развитии, не обсуждаются мотивы Его поступков. Внимание сосредоточивается на нескольких последних годах и событиях, которые приводят к смерти и следуют за нею.

Много места отводится рассказу о том, как Иисус учил, иногда в довольно длинных «проповедях». И даже там, где авторы рассказывают истории об Иисусе, создается впечатление, что сама эта история — проповедь. Они не просто документируют события, они проповедуют. Они зовут следовать за Иисусом.

Современные биографии не похожи на такие жизнеописания, которые были распространены в древнем мире. Биографии философов, поэтов, политических и военных деятелей составлялись не столько для того, чтобы удовлетворить историческое «любопытство», сколько для создания образца для подражания или с целью внедрить в общественное мнение их учение и идеалы.

Вызывает удивление не литературный жанр Евангелий, но природа описываемых в них событий. Для авторов Евангелий Иисус был не просто великим учителем и примером для подражания, но восставшим из мертвых, живым Господом, Который дарует спасение и Которому должно поклоняться как Господу. Ни в одной из древних биографий не говорится (как это делает Иоанн) о назначении его Евангелия: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20:31).

Книга, написанная с такой целью, не может просто объективно фиксировать события. Евангелия были написаны верующими, выдающимися личностями в новом религиозном движении, которое создал Иисус, и их целью было либо обратить в веру, либо вселить уверенность и направить к более эффективной деятельности тех, кто уже посвятил себя служению церкви.

Поэтому они целенаправленно отбирали и представляли материал, а не строили свое повествование по законам научного повествования. Так, они не ставили себе задачу описать события жизни и служения Иисуса в строгой хронологической последовательности. У каждого евангелиста своя собственная манера преподнесения материала, свой стиль. Повествование движется от ранней проповеди в Галилее до кульминационного момента служения Иисуса в Иерусалиме, но в этих пределах отдельные события и учение Иисуса представлены в виде антологии, а не в форме дневниковых записей.

События последних дней, происходившие в Иерусалиме, описываются довольно подробно. Можно увидеть ряд поворотных моментов в раннем служении Иисуса (в частности, в насыщении 5000 голодных, исповедании Петра в Кесарии Филиппийской и входе в Иерусалим). Но данных, которые позволили бы составить детальное, построенное в хронологическом порядке «Жизнеописание Иисуса», Евангелия не предоставляют. То, что они предлагают, — портрет, вернее, четыре портрета Иисуса Мессии, Сына Божьего, в Его словах и делах, а также призыв следовать за Ним по пути спасения.

Евангелия как отражение истории

Некоторые исследователи пришли к выводу, что если Евангелия не дают объективной картины истории, то им нельзя доверять как историческим свидетельствам. Это, конечно, крайняя точка зрения.

«Объективный» историк, который фиксирует голые факты для самого себя без их надлежащей оценки и попытки истолкования для читателя, — плохой историк, если его или ее вообще можно назвать историком. История изучается и документируется, потому что мы хотим извлечь из нее уроки. Это особенно отчетливо видно, когда речь идет о биографии. Вы

не будете писать биографию человека, личность которого не представляет ни для кого никакого интереса. Самые великие и оказавшие наибольшее влияние истории и биографии были написаны с позиций приверженности личности, ставшей объектом изучения, или значимости события, которому посвящено исследование. Но это вовсе не означает, что изложенные в этих произведениях факты недостоверны. Вы можете не разделять мнение автора, но это не основание для непризнания достоверности его исследований.

То же справедливо и по отношению к авторам Евангелий. Их посвященность Иисусу не означает, что они придумали события или извратили учение, которые излагают. В самом деле, Лука совершенно ясно заявляет, что он ставит перед собой цель предоставить точный, тщательно выверенный пересказ событий и фактов, на которых основывалась его собственная вера (Лк. 1:1–4). Когда кто-то так определяет цели своей работы (нет оснований полагать, что авторы других Евангелий не согласились бы с ним), то логично принять это с доверием, если не возникает фактов, опровергающих это заявление. И христианское посвящение, и евангельское поручение сами по себе не являются основанием для исторической недостоверности исследования!

В нашу задачу не входит рассмотрение сложных дискуссий, которые ведутся в современном богословии об исторической ценности Евангелий. Заинтересованный читатель найдет доступное и обстоятельное изложение предмета этих споров в работе: Blomberg C. L. *The Historical Reliability of the Gospels* (IVP, 1987). Тщательно проанализировав скептические высказывания некоторых ученых о фактической стороне повествований об Иисусе и Его учении, Бломберг показывает, что это не просто декларируется на основании веры, но может быть подтверждено историческими исследованиями.

Евангелия были написаны в продолжение жизни одного или двух поколений людей, бывших современниками Иисуса. В их основе лежат отчасти письменные свидетельства (см. выше), а отчасти предания, сохранившиеся в церкви, а также личные воспоминания их авторов и людей, от которых они получали информацию. Поскольку в процессе компоновки материала допустимо варьировать способы документирования событий и изложения учений, это, как ясно показывают Евангелия, и происходило на протяжении жизни отдельной христианской общины, которая посвящала себя сохранению истины об Иисусе и живой памяти тех, кто был очевидцем тех событий.

Следует напомнить также, что устные предания рассматривались в древнем мире (как и в культурах современных народов с неразвитым или слабо развитым литературным процессом) как реальное средство сохранения информации и учения. Это было особенно характерно для иудейского сознания. Школы раввинов разработали сложную систему запоминания, которую они ценили превыше письменных свидетельств и которая была способна передавать от поколения к поколению огромные массивы информации в неизменном виде. Хотя новозаветная церковь не была раввинистической академией, нет причин сомневаться, что предания об Иисусе, которыми христиане продолжали делиться и которые изучались ими, могли тщательно сохраняться.

Это не означает, однако, что не существовало разных устных вариантов. Евангелия представляют множество свидетельств такого разнообразия как в самом повествовании, так и в записанных изречениях Иисуса. Необходимо также помнить, что Иисус, вероятно, хорошо говорил на арамейском, так что Его высказывания были переведены на греческий прежде, чем нашли свое место в греческих Евангелиях. А любой переводчик знает, что не существует абсолютно точного эквивалента для передачи понятий одного языка на другой.

Но признавать существование вариаций в передаче высказываний и изложении деяний Иисуса вовсе не означает бросать тень сомнения на их историческую достоверность или «точность», о которой заявляет Лука в своем Евангелии. Евангелия по своей литературной и богословской сути представляют собой исторические документы.

Четыре Евангелия

Одна история, четыре свидетеля

Иметь более одного свидетельства о любой личности в древнем мире — вещь довольно редкая. Иметь четыре биографии, написанных современниками или почти современниками событий, — вещь беспрецедентная. Но такое необъятное богатство информации об Иисусе не всегда приветствовалось в христианской церкви. Оно рассматривалось как чрезмерное и приводящее к недоразумениям.

Выше мы говорили о попытке Татиана во II в. составить согласование Евангелий, и такие попытки с тех пор предпринимались неоднократно. Стремление к этому, вероятно, связано с той неудовлетворенностью, которую испытывают люди, замечая несоответствия в разных Евангелиях. Разночтения служат основанием для недоверия к приводимым евангельским свидетельствам. Может создаться впечатление, что перед нами четыре разных портрета, а не четыре «авторизованных биографии» одной личности. Однако факт в том, что мы имеем четыре, а не одно свидетельство, и все они несколько отличаются друг от друга.

Современные тенденции в евангельском богословии заставляют нас серьезно отнестись к этим различиям. Так называемая редакционная критика говорит, что Евангелия различаются видением перспектив и богословскими посланиями. Она учит нас рассматривать авторов не как беспристрастных собирателей преданий, но как людей с собственным взглядом на вещи и цель написания Евангелия. Каждый из авторов несколько иначе, чем другой, воспринимал Иисуса и каждый писал свое Евангелие, высвечивая определенные моменты, связанные с особыми потребностями церкви, для которой он писал.

В последнее время большое значение придается тому, что каждое Евангелие представляет собой независимое литературное произведение, которое предназначено не для критического сравнения с другими, но для чтения как самостоятельного произведения. Это привело к большей ясности в представлении о воздействии Евангелий. Каждое из них разными путями, в разных ракурсах показывает служение Иисуса и побуждает читателя стать частью истории, с которой начиналось христианство.

Это вовсе не означает, что не надо проводить сравнительного изучения четырех Евангелий, попытаться на их основании глубже понять Иисуса. Они, по существу, первые и наиболее полные книги о Нем Самом, а не о конкретных богословских представлениях их авторов. Но понимание Иисуса и Его вести существенно обогатится, если мы серьезно займемся исследованием индивидуального вклада каждого автора. В результате мы получим не просто «авторизованную биографию», но многостороннее свидетельство тех, кто знал и следовал за Иисусом в ранние дни становления христианства.

Иоанн — странная личность

Вероятно, неправильно говорить о «независимых» свидетелях, поскольку совершенно очевидно, что Матфей, Марк и Лука следуют в своих повествованиях единому плану и во многих отношениях придерживаются единой точки зрения. Большинство исследователей склонно думать, что они писали не изолированно друг от друга. Поэтому эти три Евангелия традиционно рассматривают как «синоптические» (т. е. рассматривающие события под одним углом зрения, «одинаковыми глазами»), в отличие от стоящего особняком Евангелия Иоанна. Далее мы кратко остановимся на взаимоотношениях между Матфеем, Марком и Лукой, но прежде следует рассмотреть, почему Иоанн так выделяется среди четырех авторов Евангелий.

Само начало Евангелия Иоанна с его загадочным, захватывающим дух представлением Иисуса — «И Слово стало плотью» — сразу же заявляет о совершенно ином подходе, точке зрения. В начале III в. Климент Александрийский высказал предположение, что Иоанн написал «духовное» Евангелие в дополнение к трем другим «плотским». Хотя это весьма поверхностное понимание природы синоптических Евангелий, оно верно отражает

«атмосферу», в которую попадает читатель Иоанна. Это атмосфера глубокого проникновения в вопросы веры и спасения с более смелым представлением Иисуса как Бога (включая знаменитое «А Я говорю», «Я есмь»).

Иоанн не приводит притчей, которые есть в синоптических Евангелиях. Действительно, очень мало из того, что говорит Иисус у Иоанна, находит свои параллели в других трех. «Царство Божие», столь ярко представленное в учениях Иисуса в синоптических Евангелиях, только один раз упоминается у Иоанна. Иоанн использует здесь (как и в своем первом послании) яркие речевые обороты, метафоры света и тьмы, жизни и смерти. У Иоанна Иисус в Своих пространных беседах и богословских диалогах ставит читателя перед проблемой знания и веры, раскрывает фундаментальные основы вечности и говорит о Себе как единственном пути к спасению. Он говорит, что называется, с отчетливым «иоанновым акцентом».

Помимо рассказа о последней неделе в Иерусалиме (здесь более подробного, чем в других Евангелиях), у Иоанна практически нет повторений сказанного в любом другом Евангелии. Некоторые истории встречаются у всех (но обычно преподносятся в совсем иной форме), но есть и совершенно новые. Иоанн рассказывает о чудесах, большая часть которых отсутствует в синоптических Евангелиях, и он вводит их как «знамения», указывающие на богословскую истину, раскрывающую суть служения Иисуса.

Даже канва повествования, вплоть до последней недели в Иерусалиме, совершенно иная. В синоптических Евангелиях рассказ о раннем служении Иисуса сосредоточен вокруг Галилеи, а вход в Иерусалим для участия в последней Пасхе составляет драматический финал истории. У Иоанна Иисус — частый гость в Иерусалиме, Который беседует с иудейскими религиозными вождями задолго до трагического столкновения с ними.

Совершенно очевидно, что Евангелие Иоанна существенно отличается от других. Однако не ясно, в чем причина этой независимости. В нем есть несколько мест, которые позволяют полагать, что Иоанн не сомневается в том, что его читатели уже знают многое о жизни и служении Иисуса. Тот факт, что он опускает такие важные моменты, как рождение Иисуса, Его крещение и искушение, преображение или установление Вечери Господней (несмотря на очень пространное описание других аспектов Последней вечери) объясняется, вероятно, тем, что это были всем хорошо известные факты. Отдельные параллели с языком синоптических Евангелий позволили некоторым исследователям предположить, что Иоанн был знаком с одним или всеми ними (или, по крайней мере, с преданиями, на которые они опирались). Хотя он предпочитает не упоминать об этом.

Матфей, Марк и Лука: «синоптические проблемы»

Как отмечалось выше, эти Евангелия обладают сходной канвой развития событий (к которой Матфей и Лука добавили фрагмент, посвященный рождению Иисуса и Его детству, впрочем, совершенно независимо друг от друга). Большинство историй у Марка находят параллели в одном из этих двух Евангелий, хотя некоторые из них (особенно у Матфея) приводятся в крайне сокращенном варианте. Есть значительное количество материала (более 200 стихов, главным образом, высказывания Иисуса), где Матфей и Лука практически повторяют друг друга, тогда как у Марка этот материал вообще отсутствует.

Эти «параллели» разного рода. Иногда они точно повторяют друг друга (особенно в ряде изречений Иисуса), иногда связаны между собой весьма слабо, так что подчас трудно понять, идет ли речь об одном и том же или о разных событиях (ср., напр.: рассказ о помазании в Мф. 26:6–13 = Мк. 14:3–9 с Лк. 7:36–50). Даже там, где истории явно одни и те же, они рассказываются с разными вариациями, включением и исключением некоторых моментов.

Что касается Евангелия от Матфея, то в нем есть тексты, не находящие своих параллелей в других Евангелиях; некоторые включены в пространные беседы Иисуса, которые являются отличительной особенностью этого Евангелия. У Луки (автора самого длинного из синоптических Евангелий) более половины материала не находит параллелей в других

Евангелиях; в значительной мере это относится к рассказу о длительном странствии Иисуса по пути в Иерусалим (Лк. 9:51 — 19:10).

Это данные, которые создают «синоптическую проблему». Такое название родилось из попытки объяснить, как три книги оказались написанными с такой загадочной смесью сходств и различий. Это, конечно, проблема (как будет показано ниже при попытке разрешить ее). К сожалению, это название приводит к мысли, что не стоит рассуждать о том, как были написаны эти три Евангелия.

Большинство людей склонны думать, что совпадения и сходства не могут быть случайными и что между этими тремя писателями существовали литературные связи, а не просто общий источник устных преданий. Уже поднимался вопрос об «использовании» одной книги другими авторами. Его можно сформулировать следующим образом: «Кто у кого заимствовал материал?» Ключ к решению данной проблемы лежит в знании, что было написано вначале. И здесь два претендента на первенство — Матфей и Марк.

До XIX в. у исследователей практически не было сомнения, что вначале было написано Евангелие от Матфея (именно поэтому оно помещено в самом начале Нового Завета). Позднее в представлениях ученых произошли перемены, и во второй половине XIX в. большинство из них пришло к выводу, что первым было написано Евангелие от Марка, самое короткое и в некоторых отношениях наиболее безыскусное из всех трех. Эта точка зрения преобладала до начала 60-х годов нынешнего столетия, когда некоторые исследователи, составлявшие незначительный процент, выступили с заявлением, что первым по времени было написано Евангелие от Матфея. Хотя это была точка зрения меньшинства, она возобладала, и первенство Евангелия от Марка перестало считаться бесспорным, как это было до середины века.

Если Марк написал свою книгу первым, то что было источником для Матфея и Луки, у которых встречается материал, отсутствующий у Марка? Хотя вполне возможно, что либо Лука заимствовал его у Матфея, либо наоборот, большинство богословов предпочитают говорить о наличии дополнительного источника наряду с Евангелием от Марка, к которому имели доступ и Матфей, и Лука. Этот источник (который остается до сих пор предметом богословских измышлений, а не документом, который кто-либо видел) традиционно называют как Q (от немецкого *Quelle*, «источник»). Некоторые исследователи рассматривают его как единый документ, из которого черпали материал Матфей и Лука; другие предпочитают говорить о «Q-материале», не обременяя себя мыслями о том, был ли он обнаружен в одном или нескольких источниках, письменных или устных.

В современном богословии наиболее распространенный подход состоит в том, что синоптическая проблема была и остается «теорией двух источников», то есть Марка и Q, которые Матфей и Лука положили в основу своих книг. (Матфей и Лука также включили в Евангелия свои собственные материалы, известные как M и L, соответственно. Однако точку зрения, что M или L представляют содержание единого документального источника, мало кто разделяет.)

Если первым евангелистом был не Марк, а Матфей, тогда возникают две гипотезы. В соответствии с первой, Евангелие от Марка представляет собой сокращенный вариант Евангелия от Матфея. (Такова была точка зрения ранних христиан, а Августин говорил о Марке как о человеке, который стал последователем Матфея и подготовил сокращенный вариант его книги.) Лука использовал оба Евангелия, положив их в основу своего. Есть и альтернативная гипотеза, известная как «гипотеза Грисбаха» (немецкого исследователя XIII в., который сформулировал ее). Согласно ей, Евангелие от Луки основано только на материале Евангелия Матфея (помимо собственных источников самого Луки), а Марк предпринял попытку соединить эти два Евангелия, составив более короткую книгу, где попытался примирить разные подходы Матфея и Луки. Обе эти гипотезы отрицают наличие источника Q, поскольку Лука мог заимствовать материал непосредственно у Матфея. Таких взглядов придерживается, однако, небольшое число исследователей.

Решение проблемы синоптических Евангелий лежит в области литературных

«заимствований». Единственная проблема в этом случае — решить, кто был первым. Другие полагают, однако, что образ писателя, сидящего за столом в своем кабинете и соединяющего вместе куски из разных свитков, основан скорее на современном представлении о методах редакторской работы, чем на осознании реалий христианской жизни первого столетия. Параллели с многочисленными текстами, разнородными по своей значимости, даже при том, что они несомненно повествуют об одном и том же событии или относятся к одному и тому же высказыванию, позволяют полагать, что речь идет о более сложном процессе, чем простое копирование.

Вероятнее всего, что ни одно из Евангелий не было просто плодом усилий редактора, составившего их за несколько дней или недель. По мере того как воспоминания о жизни и учении Иисуса распространялись среди христиан в устной или письменной форме, их собирали в разных церквях. И вполне вероятно, что это привело к тому, что наши четыре Евангелия одновременно создавались в ряде центров и в течение значительного промежутка времени. В ходе этого процесса возникало своего рода «перекрестное опыление», по мере того как христиане переезжали с одного места на другое. Поэтому нет необходимости видеть непосредственные связи, скажем, только между Марком и Матфеем.

Если это более реальная картина (хотя нет сомнений, что, по крайней мере, некоторая часть синоптического материала возникла в результате непосредственного литературного контакта), то маловероятно, что эти контакты можно обозначить как простое копирование. А заимствование может иногда происходить совершенно произвольно, даже бессознательно, не в качестве намеренной подгонки к уже готовой книге.

С моей точки зрения, такая более гибкая картина процесса написания Евангелий более реальна, а потому «чистое решение» синоптической проблемы кажется мне маловероятным. Хотя надо сказать, что все это мало беспокоит меня. В конце концов, мы имеем перед собой тексты Евангелий, а не отдельные этапы процесса формирования этих текстов. По моим представлениям, первым было завершено Евангелие от Марка, а в плане литературных заимствований — вполне разумно говорить о том (что, в целом, более вероятно), что Матфей или Лука использовали материал Марка, а не наоборот. Но я осторожно отношусь к заключению, что когда Матфей или Лука отличаются от Марка, то это обязательно намеренное «изменение» текста, который они имели перед своими глазами.

Несомненно, однако, что синоптическая проблема навсегда останется «проблемой». И хотя ученые продолжают горячо обсуждать ее, простой читатель извлекает для себя пользу, наблюдая, как по-разному Матфей, Марк и Лука рассказывают свои истории, даже если сама процедура составления книг остается для него неясной.

Читая Евангелия

Наблюдая различия

Хотя различий между синоптическими Евангелиями и Евангелием от Иоанна гораздо больше, чем между каждым синоптическим, многие читатели находят, что последние гораздо более сложные. У Иоанна в большей части его повествования просто нет параллелей с синоптиками; различие здесь скорее на уровне отбора материала, а также в общей тональности. Но когда в синоптических Евангелиях рассказывается о тех же событиях или передаются те же высказывания, возрастает возможность противоречий и опасность подвергнуть сомнению достоверность хотя бы какого-то одного свидетельства. Это создает благоприятную почву для тех, кто оспаривает историческую достоверность Евангелий, а потому неудивительно, что «согласование» было традиционной заботой тех, кто рассматривал Евангелие как богодухновенное писание.

Некоторые исследователи считают любого рода «согласования» незаконными, как отчаянный шаг тех, кто решил встать на защиту исторической достоверности событий, описанных в Евангелиях.

Любой человек, знакомый с исследованиями в области древней истории, может с сомнением отнестись к такой позиции. В тех редких случаях, когда одно и то же событие описывается более чем в одном источнике, часто возникают разные точки зрения на него, а иногда выявляются и фактологические несоответствия. Так случается, если один или более источников недостоверны или намеренно искажают факты. Но пока это не доказано исторически, обычно встает вопрос о разумных объяснениях наблюдаемых несоответствий. Возможен вариант, когда один или несколько текстов неверно поняты, или в них отсутствует жизненно важная информация, которая помогла бы решить проблему. Если автор заслуживает доверия — с точки зрения верного преподнесения фактов, — тогда неразумно подвергать сомнению его данные, скорее следует предположить, что наши ограниченные знания способствуют неправильной трактовке изложенного автором материала.

Точно так же и при изучении Евангелий мы должны помнить, что наши исторические познания весьма скудны, поэтому мы не всегда располагаем информацией, позволяющей нам судить, какой рассказ достоверен, а какой нет. Иногда следует пересматривать и сложившиеся, традиционные точки зрения, чтобы убедиться, идет ли речь о кажущихся или реально существующих несоответствиях. В случае с Евангелиями эти факторы особенно важны.

Прежде всего, что такое «параллели»? Целый ряд предполагаемых «противоречий» основан на предположении, что два рассказа относятся к одному и тому же событию или учению. Но похожие события (напр.: чудеса исцеления), вне всякого сомнения, могут относиться к разным моментам служения Иисуса, и совершенно очевидно, что за немногие годы Своего служения Он по разным поводам использовал похожие фразы и высказывал сходные мысли. Конечно, эти аргументы можно довести и до абсурда. Понятно, что есть события, которые могут происходить лишь единожды (напр.: суд над Иисусом, распятие и воскресение). Но, по крайней мере, имеет смысл спросить, отражают ли два предположительно противоречивых события одно и то же явление. Так, из сравнения четырех рассказов о помазании Иисуса (Мф. 26:6—13; Мк. 14:3—9; Лк. 7:36—50; Ин. 12:1—8) вполне можно сделать вывод, что в основе их лежат два разных случая, которые отличаются различными деталями. А сравнение «заповедей блаженства» в Мф. 5:3—10 с «блаженствами» совершенно иной тональности и содержания в Лк. 6:20—26 позволяет полагать, что Иисус не однажды использовал форму «заповедей блаженства» для передачи разных посланий.

Второе: кажущиеся противоречия иногда связаны с порядком свершения событий.

Так, Лука пересказывает проповедь Иисуса, сказанную в Назарете в самом начале Его служения в Галилее (Лк. 4:16—30), тогда как Матфей и Марк оба были в Назарете только на последнем этапе Его служения (Мф. 13:53—58; Мк. 6:1—6). Но мы уже говорили, что в Евангелиях, по-видимому, не ставилась цель хронологического изложения событий, соблюдения их четкой последовательности. Скорее Евангелиям предназначалось в основном стать собранием рассказов и изречений, скомпонованных, по всей видимости, в форме антологии, а не дневника событий.

Третье: если говорить о записи высказываний Иисуса, то, если Он говорил на арамейском, совсем неудивительно, что в греческих переводах Его слова передавались с некоторыми вариациями. Вполне возможно, что Иисус говорил и по-гречески, но большая часть Его наставлений, как считают исследователи, должно быть, произносилась на понятном всем арамейском языке. То, что мы читаем в Евангелиях, не может быть прямым цитированием непосредственных высказываний Иисуса, за исключением нескольких точно зафиксированных арамейских слов. Всякий перевод — в какой-то мере пересказ, парафраз, поскольку парафраз — прекрасное средство передачи смысла. Поэтому возможно использование разной лексики, и трудно судить, связаны ли эти вариации с допустимыми границами парафраза. Интересно, например, посмотреть, как по-разному передают синоптические Евангелия ответ Иисуса на вопрос первосвященника на суде над Ним (Мф. 26:64; Мк. 14:62; Лк. 22:67—70). Хотя Его ответы в них заметно отличаются, разница в способе передачи высказывания позволяет нам получить более полное (чем может дать нам

каждое Евангелие в отдельности) представление о том, что отвечал Иисус.

Таким образом, необходимо найти более разумное объяснение существования таких различий прежде чем делать вывод, что то или иное повествование недостоверно.

Согласование Евангелий может, однако, завести слишком далеко. Одна из опасностей состоит в следующем. Стремясь найти ответы на все вопросы, мы выдвигаем предположения, подчас столь несуразные, что все попытки становятся просто смешными. (Так попытка согласовать каждое маленькое различие в деталях рассказа об отречениях Петра приводит к нелепому результату, что он отрекался от Иисуса шесть раз. Это при том, что во всех историях говорится только о трех случаях отречения, что и подтверждается всеми синоптическими Евангелиями.) Ничего обидного или плохого нет в том, если в некоторых случаях мы не знаем ответа, и это лучше, чем неверный ответ на вопрос.

Другая опасность состоит в том, что в нашем стремлении во чтобы то ни стало разобраться с этими расхождениями, нам не удастся увидеть то, что видят авторы Евангелий, — перспективы и глубину их благовестил. Именно эти четыре текста представляют собой основу нашего духовного видения Иисуса, а не некий исходный, приглаженный «оригинал», который искусственно создается путем удаления или игнорирования различий.

Мы надеемся, что читающий этот комментарий сам будет сравнивать различные синоптические версии. С этой целью мы приводим во всем комментарии по синоптическим Евангелиям параллельные перекрестные ссылки. Поскольку возникает вопрос, что именно нужно понимать под истинной параллелью, мы использовали сокращение «см.» (смотри) для более очевидных параллельных отрывков и «ср.» (сравни) для более спорных вариантов. Постоянное использование этих перекрестных ссылок поможет читателю более основательно понять свидетельство синоптических Евангелий об Иисусе.

Евангелия как истории

Одним из наиболее перспективных направлений современных исследований Евангелий является взгляд на них как на законченные повествования, как на книги для чтения (и получения удовольствия от него), а не собрание отдельных событий и изречений. В наше время почти всеобщей грамотности и доступности информации легко забыть, что в древнем мире «свиток» даже одной книги Библии был недопустимой роскошью для тех, кто мог читать его. Большинство членов церкви были знакомы с этими книгами не лично, но благодаря их чтению в собрании.

Публичное чтение Евангелия от Марка занимало около полутора часов; на более длинные Евангелия уходило около двух с половиной часов. Мы не знаем, как проходило это чтение в собраниях христиан I в. Прочитывалось ли все Евангелие за один раз или читалось частями? Но те, кто мог присутствовать на публичном чтении всего Евангелия, нимало не сомневались, что авторы одобрили бы такой метод работы, а возможно, и сами предполагали это.

Слушать чтение, особенно Евангелия от Марка — значит осознавать, что это антология историй об Иисусе, а не просто случайная их подборка. Это искусно построенное повествование, действие в котором развивается напряженно, отдельные детали тонко вплетены в единую ткань, и ход событий неуклонно устремляется к своему трагическому финалу в Иерусалиме. Речевые обороты и парадоксы, блестящие юмора держат аудиторию в постоянном напряжении, заставляют нас самих стать участниками этих уникальных событий в служении Иисуса, в Его противостоянии и Его смерти, и разделить с Ним триумф Его воскресения.

Поэтому совершенно неправильно рассматривать каждую историю или фрагмент учения в Евангелиях изолированно друг от друга. Наше обычное чтение, когда мы время от времени читаем разрозненные отрывки вне контекста, таит в себе опасность. Многие из проповедников тоже часто фокусируют свое внимание на отдельном коротком отрывке (и даже на одном стихе!) без рассмотрения его в более широком контексте.

Конечно, в жизни так не получается, чтобы за один присест прочитать все Евангелие

целиком, и тем более проповедник не может посвятить свою проповедь всей книге в целом. Но, по крайней мере, слушая проповедь или самостоятельно читая тексты, мы должны представлять весь сюжет, место этого отрывка в книге. Большую пользу принесет каждому изучение какого-то Евангелия как единого целого, что совершенно необходимо, прежде чем приступить к исследованию отдельных фрагментов книги.

Познавая Иисуса

Внимательное прочтение каждого из четырех Евангелий предоставляет огромные возможности глубже проникнуть в сущность веры и образ мыслей каждого из авторов, а также в проблемы, с которыми сталкивались как они, так и церкви, для которых они писали.

Однако в намерения этих авторов не входило писать о самих себе и о своих мыслях. Они писали, чтобы помочь людям лучше познать Иисуса. Их книги не были предназначены развивать богословские идеи ради самих идей. Они предназначались для укрепления и ободрения в вере и воспитания учеников. Иоанн писал: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин. 20:31). Авторы других Евангелий преследовали ту же цель независимо от того, служили ли они для неверующих, чтобы обратить их в веру, или для христианской общины, которая нуждалась в наставлении, ободрении и укреплении в вере. Имея в виду эту цель, авторы Евангелий соответствующим образом преподносят факты из жизни Иисуса и Его учение, как сами они поняли и запомнили это. И именно этим четверем людям мы обязаны фактически всеми историческими знаниями об Иисусе.

Очень редкие упоминания об Иисусе в нехристианской литературе I в. или после Его смерти лучше всего свидетельствуют о том, что Он жил и умер как учитель и чудотворец в Палестине в начале 30-х годов и что Ему впоследствии стали поклоняться как основателю развивавшегося религиозного движения. Они ничего не говорят нам о том, каким Он был или чему Он учил.

О земной жизни Иисуса очень мало сказано в других книгах Нового Завета. Нет у нас и других источников информации, если не считать появившихся во II в. так называемых апокрифических Евангелий. В них же еще меньше сведений о Его земной жизни и больше об учении, а все подробности взяты главным образом из четырех новозаветных Евангелий или из разнообразных собраний легендарных историй об Иисусе, которые, в основном, были выдумками. Или из историй, популярных среди христианских гностиков нового направления.

Если мы хотим узнать исторические реалии жизни и служения Иисуса, нам следует обратиться к Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Здесь мы стоим на прочном фундаменте. У них мы можем почерпнуть гораздо больше об Иисусе как исторической личности и Его жизни и учении, чем в каких-либо других источниках древнего мира. Авторы Евангелий предлагают свое видение как мужи веры, призывая других приобщиться вместе с ними к Иисусу. Те, кто читает Евангелия просто для получения исторической информации об Иисусе, могут преуспеть в этом, но они упускают главное — Евангелия написаны для тех, кто «поверит» и будет «иметь жизнь». Факты об Иисусе записаны не ради удовлетворения чьего-то любопытства, но для получения ответа. R. T. France

Дополнительная литература

- Green J. B. *How to Read the Gospels and Acts* (IVP, 1987).
Drane J. W. *Jesus and the Four Gospels* (Lion, 1979).
Stanton G. N. *The Gospel and Jesus* (Oxford, 1989).
France R. T. *The Evidence for Jesus* (Hodder and Stoughton/IVP/USA, 1986).
Wright N. T. *Who was Jesus?* (СПСК, 1992).
France R. T., Hurtado L. W., Marshall I. H., Carson D. A. 'Guides' to recent study of the four Gospels, in *Themelios* 14/2 (1989).
Green J. B., McKnight S., Marshall I. H. (eds.) *Dictionary of Jesus and the Gospels* (IVP, 1992).